

И. А. Честнов¹КУЛЬТУРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА
В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современный мир, именуемый постиндустриальным, глобальным (точнее, глокальным), информационным обществом, выступает онтически основой права. Для юридической науки принципиально важно прояснить, как именно социальная жизнь обуславливает право, и наоборот — какое воздействие право оказывает на общество. В то же время сегодня приходится признать, что общество (социальный мир) из самоочевидной данности, к которой классическая социология редуцировала все социальные явления и процессы для их объяснения, превратилось в «сущностно оспори́мое» понятие. Сегодня можно утверждать, что содержание социального мира определяется культурой, опосредующей знаковой формой все, что есть в социальном мире, и выступающей механизмом существования социальности, механизмом воспроизведения социального мира. Социальный мир — это не люди, действия, предметы, а значения и смыслы, приписываемые людям, действиям и предметам².

Как утверждал Р. Уильямс, культура — это система значений, которыми воспроизводится социальный порядок, а Т. Иглтон определяет культуру как «конструктивную часть всех социальных процессов». Этот подход вполне уместно распространить на понятие «правовая культура». В таком случае правовая культура — это механизм воспроизводства правовой реальности. Его конститутивными аспектами являются «юридическое означивание» и воспроизводство юридических значений в практике.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор более 400 публикаций, в т. ч.: «Постклассическая теория права», «Теория государства и права», «История и методология юридической науки», «Постклассическая онтология права», «Социокультурная антропология права» и др.

² Если придерживаться позиции позднего Л. Витгенштейна, то значение — это использование знака в языковых играх, а смысл — индивидуальная интерпретация значения в конкретной ситуации.

Таким образом, можно констатировать, что культура как своеобразная сфера постиндустриального общества сегодня выходит на первый план: именно она интериоризирует внешние природные и социальные явления в мотивацию человека и тем самым обуславливает социальные практики³. Поэтому не случайно обращение к культуре для объяснения перемен, происходящих

³ В связи с этим сторонников постклассической методологии стали обвинять в «субъективном идеализме», в игнорировании объективных социальных явлений, порождающих право (см.: Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. № 1. 2016. С. 8; Мартышин О. В. Философия права: учебник для магистров. М., 2016. С. 30–32), что свидетельствует о «несоизмеримости парадигм». Поборники классического науковедения до сих пор верят в то, что законы мироздания действуют с непреложной необходимостью, «сами собой», автоматически, в том числе в социальном мире и в психике отдельного человека. Постклассическая методология не отрицает важность «внешних» явлений. Однако они — конкретные «материальные» обстоятельства жизни, задающие пространственно-временной контекст социальности, — «действуют» через их интериоризацию в практики (поведенческие и ментальные) людей. Да, немецкая классическая философия (на которой, как правило, завершился курс философии в советское время) «не подвергала сомнению единственность, всеобщность, если не объективность, то трансцендентальность пространства и времени. Для Канта пространство и время — это априорные формы чувственного созерцания, гносеологические инварианты, конкретной реализацией которых в наличном познавательном акте Кант просто не интересуется. <...> Для Ньютона пространство и время объективны, для Канта они — трансцендентальные категории, хотя и априорные, но актуализирующиеся лишь в сфере опыта». Однако уже в начале XX в. А. Эйнштейн совершил переворот в пространственно-временных представлениях: «Он соединил пространство и время с конкретным, осуществляющимся в данной точке бытия, актом познания. Во взгляде на пространство и время Эйнштейн произвел то же самое, что Кьеркегор в философии вообще — абсолютизировал право конкретного опыта, конкретного наблюдателя. Именно в признании за верховную ценность конкретной бытийственной точки — мировоззренческая близость к Эйнштейну и Бахтина: недаром ключевая категория Эйнштейна “время-пространство” стала рабочей бахтинской формулой (Формы времени и хронотопа в романе) <...> Основное философское следствие специальной теории относительности — это отмена абсолютных времени и пространства. Время течет по-разному в различных системах отсчета, говоря иначе, — для разных наблюдателей» (Бонецкая Н. К. Мировоззрение М. Бахтина и теория относитель-

в современном социуме. Все изменения, происходящие в мире и наблюдаемые (фиксируемые) эмпирически, сопровождаются сменой ценностей, ценностных ориентиров и установок. Очень важно то, что смена ценностей затрагивает все общественные отношения. Не существует экономики вне системы ее означивания, социальных представлений, мотиваций и т. д. Не может произойти никакого изменения в политике, которое не повлияло бы на сферу культуры. Представить что-либо в социальном мире как «материальное» — значит подвергнуть его грубой объективации, реифицировать до положения объекта. Такой подход был свойствен классическому науковедению. Однако он не позволяет эксплицировать механизм порождения и воспроизводства социального объекта, то есть его динамическую характеристику. Новая онтология социальной реальности исходит из «человекоразмерности» всех общественных феноменов¹, их сконструированности, знаковой опосредованности, воспроизводства в практиках, intersубъективности, относительности, взаимообусловленности или диалогизма².

Культура выступает основанием права. С этим утверждением вряд ли кто-либо будет спорить (кроме, разве что, самых рьяных позитивистов, хотя Г. Харт скорее соглашался с этим утверждением). Однако что считать основанием права и как, в каком смысле культура обосновывает правовую реальность — вопрос открытый и совсем не праздный. Если культура — это знаковая, опосредующая психическую и поведенческую активность человека (собственно, это и образует содержание «человеческого» как социального), то правовая культура представляет собой юридическое означивание и осмысление социального мира или, точнее, перевод некоторых социальных явлений и процессов в разряд юридически значимых и их воспроизводство людьми в практике. Таким образом, правовая культура, с моей точки зрения, — это механизм воспроизводства правовой реальности, содержанием которого является конструирование юридических значений и смыслов и их воспроизводство ментальными (психическими) и поведенческими практиками. Такой подход не отрицает, а дополняет «функционалистский», которому следовал Г. В. Мальцев. «Уровень культуры, — писал он, — отражает меру воспроизводимости факторов порядка в противовес хаотическому состоянию общественной жизни. Культура не обязательно там, где люди вкусно едят, красиво одеваются, предаются соблазнам, имеют роскошное жилище, а также средства избавления от житейского однообразия и скуки. Она

не в пестроте и изобилии, а в возрастающем опыте человеческого единения и солидарности, в стремлении людей нормативно и организационно поддерживать жизненные установки, позволяющие каждому из них прожить жизнь со смыслом, оставить после себя мир следующим поколениям хотя бы в частично улучшенном виде»³. Полностью соглашаясь с тем, что культура призвана обеспечивать преодоление хаоса (соответственно правовая культура — преодоление девиаций), полагаю, что принципиально важно выяснение того, как именно культура (и правовая культура в частности) это делает. Именно этим вопросом озабочена постклассическая методология в социальных науках (и юриспруденции) после «культурального поворота» второй половины XX века.

В связи с этими методологическими посылами можно утверждать, что *социальность интериоризируется в право через правовую культуру — механизмы означивания и осмысление некоторых социальных явлений как юридических, а право участвует в процессе конструирования и воспроизводства социальности*. Кто и как задает значения и смыслы социальных ситуаций и процессов, наделяет правовым содержанием социальные явления и статусы? Как именно воспроизводится правовое значение? Как мыслят и действуют люди в этих — юридически значимых — ситуациях? Ответ на эти вопросы пытаются найти и предложить постклассическая культуральная методология юриспруденции.

С точки зрения культуральной юриспруденции, не существует содержательно универсальных⁴, «объективных» оснований для правовой инновации. Нет и не может быть универсального и содержательного определения «вреда» или «опасности», так как каждое действие, явление или процесс может быть интерпретировано и как «положительное», и как «отрицательное», и как «полезное», и как «вредное», поэтому степень «полезности» или «вредности» как допустимая или нет (то есть противоправная) сегодня определяется властью — элитой и референтной группой или, точнее, в борьбе элит и референтных групп. Полагаю, что в эпоху постсовременности разработка культуральной методологии права, ориентированной на прояснение механизма социокультурной обусловленности права и правового воздействия на общество, — принципиально важная задача постклассической юридической науки и философии права. Только с ее помощью столкновение цивилизаций может быть трансформировано в диалог культур.

ности // Бонеецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М. : СПб., 2016. С. 460–461).

¹ В (пост)современной лингвистике возникает новое направление, именуемое «антропологической лингвистикой» — наукой о языке, в центре которой находится человек, творящий и интерпретирующий смыслы (см.: Карасик В. И. Языковое проявление личности. М., 2015. С. 4).

² Диалогичность, полагает В. И. Карасик, — главный принцип коммуникации (см.: Там же).

³ Мальцев Г. В. Культурные традиции права : моногр. М., 2013. С. 6.

⁴ Универсальность может быть только формально-абстрактной, наполняемой конкретным содержанием, определенным историческим и социокультурным контекстом.